

Н. И. Голикова

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Среди трех губерний Европейского Севера России Вологодская стояла на втором месте после Архангельской по площади, составлявшей 34,5 млн. дес. Для Европейского Севера характерны огромные массивы лесов, разветвленная и густая речная сеть, многочисленные озера, обширные болота. Крупнейшие реки этого края (Онега, Сухона, Вычегда, Северная Двина, Мезень, Печора) с их многочисленными притоками имели значение как пути сообщения и источники рыболовных богатств. В значительной степени на облик края, условия жизни и деятельности людей влияли бескрайние просторы лесов. Сама северная природа с трудом осваивалась человеком, ставила тесные границы творческой инициативе и энергии ее жителей. Суровость климата Европейского Севера объяснялась интенсивностью движения циклонов из северных районов Атлантики к Баренцову морю и с северо-востока, со стороны Карского моря, в глубь территории. В самом теплом месяце июле средняя температура составляла + 18 градусов, но с изменениями от +13 до +19, в самом холодном месяце январе колебалась от –10 до –20 градусов, но в отдельные периоды понижалась до –35, –40 градусов. Снежный покров лежал долго, на северо-востоке нередко сохранялся до второй декады мая.

Наиболее экономически развитым районом Вологодской губернии был юго-западный, объединяющий Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский уезды. Второй – центральный район губернии – составляли довольно обширные и населенные уезды: Вельский, Тотемский, Устюжский, Никольский, Сольвычегодский. К третьему району относились два северо-восточных уезда: Яренский и Устьсыольский. На них приходилось более половины площади губернии, но менее 1/9 жителей губернии¹. «Разбросанное по бесконечной лесной территории население со своими немногочисленными деревнями и незначительными обработанными полями теряется в этой бесконечной лесной пустыне», – так писали об этом крае в 80-е годы XIX века

участники экспедиции на северо-восток губернии². Все вышесказанное объясняет характеристику Вологодской губернии для ссыльных, носившей название «подстоличной Сибири». Политических ссыльных в г. Вологде и губернии было немало в 60-е годы XIX века. Среди них находились представители демократической интеллигенции и участники народнического движения. В то же время на Европейском Севере России в XIX веке было заметным наличие польских ссыльных, как после восстания начала 30-х годов, так и после восстания 1863–1864 годов. Например, вологодский искусствовед М. Е. Даен отметила влияние польской диаспоры не только на появление польской ориентации в вологодском искусстве XIX века, но и воздействие польской интеллигенции на социальную верхушку вологодского общества того времени³. Отмечалось, что положение ссыльных в Вологде было более терпимым по сравнению с другими губерниями. Современники связывали эту лояльность к полякам с длительным правлением в Вологде генерал-губернатора С. Ф. Хоминского (с 1861 по 1878 гг.). Нашей задачей является изучение положения польских ссыльных не только в губернском городе, но и во всех уездах губернии, отведенных для политических ссыльных с 1863 года. Список городов для размещения высланных под надзор полиции включал, главным образом, отдаленные пункты как от столицы, так и губернского центра: Вельск, Великий Устюг, Никольск, Сольвычегодск, Тотма, Устьсысольск (диаграмма 5).

То, что губерния должна была принять новый контингент ссыльных, следовало из циркуляра МВД за подписью министра П. А. Валуева от 02.07.1863 года, направленного вологодскому губернатору⁴. В нем предлагалось выделить из пунктов, предназначенных для расселения политических преступников, особенно два города – Сольвычегодск и Устьсысольск для размещения в них уроженцев западных губерний. При этом настоятельно рекомендовалось предварительно переселить из этих городов «русских уроженцев в другие города и в дальнейшем не допускать в названные города ссыльных за политические преступления из великороссийских губерний».

Несколько позднее в апреле 1864 года решением министра внутренних дел и начальника III отделения С.Е.И.В. канцелярии в Вологодской губернии в два раза был увеличен контингент ссыльных по политическим причинам⁵. Но еще в апреле 1863 года по положению Комитета министров был выработан порядок усиления местной полиции на местах для осуществления надзора за лицами, обнаружившими вредные политические стремления⁶. По этой причине Министерство внутренних дел разрешило увеличить число полицейских низших чинов во всех уездных городах Вологодской губернии, предназначен-

ных для политических ссыльных. Количество полицейских устанавливалось в зависимости от числа лиц, высылаемых под надзор полиции в пункт назначения. Низшие чины направлялись из батальона внутренней стражи, дислоцированного в губернском городе: в Вельск – 2 человека, Великий Устюг – 8, Кадников – 3, Никольск – 2, Сольвычегодск – 3, Тотьма – 4, Устьысольск – 4⁷. Позднее со стороны министерства следовали дальнейшие уточнения о правилах надзора за ссыльными. Особое внимание уделялось недопущению побегов ссыльных и «нераспространению ими вредных понятий и стремлений, за которые они были высланы»⁸. В инструкции департамента полиции Министерства внутренних дел от 17.08.1863 года, копия которой направлялась в адрес вологодского губернатора, перечислялись конкретные меры по надзору за политическими. От них требовалось ежедневно являться к полицейскому начальству, или полицейские чины обязаны были часто посещать указанных лиц на квартирах⁹. За явное неповиновение ссыльных начальству и невыполнение требований, виновные предавались суду. Предусматривалось пресекать отношения между людьми, если при этом оказывалось вредное влияние друг на друга, путем перемещения в другие пункты. Контроль осуществлялся за связями высланных и проезжих лиц. В этом случае для предупреждения распространения пропаганды планировалось сообщать при отъезде проезжего о сложившейся ситуации начальству той местности, в которую он направлялся. Под наблюдением полиции находилась переписка политических ссыльных. Письма адресату поступали уже после ознакомления с их содержанием в полицейском ведомстве.

Таким образом, на местах, в связи с предстоящим изменением состава политических ссыльных, для полиции назрели две проблемы. Это улучшение качественного состава полицейского пополнения и его материального обеспечения. Но, как сообщалось, например, 30.09.1863 года в рапорте Устьысольского уездного исправника, «из четверых нижних чинов, назначенных для надзора за лицами по политическим делам, двое оказались вовсе неспособными к исполнению полицейских обязанностей: Никифоров совершенно глух, а Быков подвержен хронической болезни ног. Заменить их из штата полиции невозможно, так как многие уже штрафовались городничим за разные предосудительные поступки и пьянство»¹⁰. В связи с этим исправник просил о назначении в его полицейскую команду 8 человек из числа строевых вологодского батальона внутренней стражи с соответствующими качествами: благонадежных и расторопных. В последующей переписке департамента полиции и вологодского губернатора сообщалось, что для исполнения высочайшего повеления от 26 апреля 1863 года контроль за полицейским попол-

нением возлагался на ведомство генерал-адъютанта Лауница – III округ Отдельного корпуса внутренней стражи. Именно от него поступали распоряжения в губернии командирам батальонов внутренней стражи под личную их ответственность, в том числе и вологодскому, о назначении воинских чинов самого безукоризненного поведения для надзора за политическими ссыльными.

Формально решалась и вторая задача – финансовое обеспечение денежными средствами на содержание новых чинов, которые выделялись губернской казенной палатой. Проблемы с реализацией материального снабжения полицейских встали почти сразу. Так, в рапорте тотемского уездного исправника в адрес губернатора уже 01.01.1864 года сообщалось о бедственном положении 4 чинов, прибывших 14.08.1863 года в г. Тотьму. С этого времени шла переписка с губернскими учреждениями о предоставлении им жалованья, довольствия и обмундирования, которые не поступили вплоть до января. Исправник сообщал, что «нижние чины при настоящей холодной погоде (– 27 градусов) должны исполнять службу в одной ветхой одежде без полушубков и довольствия от казны, отчего один из них заболел горячкой»¹¹. Исходя из вышеизложенного, можно предполагать, что в отношении прибывающих политических ссыльных из Царства Польского и Западного края, тоже не сразу решались вопросы с назначением и выплатой арестантского или иного содержания от казны, переводом и выдачей сумм, поступавших из Царства Польского.

Но одно из распоряжений министра внутренних дел от 28.05.1863 года было достаточно быстро реализовано губернским казначейством. Оно касалось выделения уездным исправникам регионов, куда высылались политические ссыльные, сумм в безотчетное распоряжение исправника на секретные расходы по полицейскому надзору, начиная с 1863 года¹². В Вологодской губернии в 1863 году получили по 100 рублей исправники 7 уездов. В 1864 и 1865 гг. денежные поступления уездным исправникам уже дифференцировались губернской казенной палатой в соответствии с числом лиц, находившихся под надзором в уезде. Исправникам Устьсысольского и Сольвычегодского уездов было выдано по 125 рублей, Устюжского и Тотемского – по 100, Вельского и Никольского – по 75, Кадниковского – 50 рублей¹³. По такому же принципу сумма в 600 рублей распределялась на 7 уездов в 1866 и 1867 годах. В 1868 и 1869 годах сумма на секретные расходы была уменьшена до 450 рублей.

Данные о политических ссыльных, связанных с участием в событиях 1863–1864 годов, высланных в Вологодскую губернию, сосредоточены глав-

ным образом в Государственном архиве Вологодской области в фондах Вологодского губернского правления (Фонд № 14) и канцелярии Вологодского губернатора (Фонд № 18). Кроме этого, сведения содержатся в фондах: Вологодского полицмейстера (Фонд № 129), Вологодского городского полицейского управления (Фонд № 130), Вологодского и Тотемского полицейских уездных управлений (Фонды №№ 131, 135), Тотемского уездного исправника (Фонд № 716). Поиск материалов сопровождался рядом трудностей: неполнотой алфавитных списков, разночтением в написании фамилии, местожительства, отсутствием необходимых сопровождающих сведений. В ходе работы удалось проследить положение 80 политических ссыльных, причастных к восстанию 1863–1864 годов в Царстве Польском и западных губерниях, поселенных в 7 из 10 уездов Вологодской губернии, уездных городах и частично в г. Вологде. В этот список вошли данные только о тех, кто находился в вологодской ссылке в 1863, 1864 году ¹⁴. Ряд фамилий обнаружен за пределами этого списка, например, Запаловского Владислава, автора воспоминаний о ссылке в Вологодской губернии. В 1865 году он находился в ссылке в Устьсысольском уезде ¹⁵ и в 1868 году числился там же ¹⁶. Его социальный статус фиксировался как бывший дворянин, что означало лишение прав состояния, ему было 26 лет, во втором случае – 29, происходил из Радомской губернии. В ссылке он находился по «конфирмации командующего войсками Московского военного округа, изложенной в указе Вологодского губернского правления от 05.02. 1865 года за сношение с мятежниками. В Устьсысольск прибыл 04.03. 1865 года без указания срока». Отмечалось, что Запаловский Владислав не имел определенных занятий, получал арестантское содержание, которое могло составлять от 6 до 9 копеек в сутки. По сведениям полиции на родине у него находилась семья: жена и дети. При аттестации фиксировалось его поведение как хорошее, «образ мыслей подозрительных, письменное сношение только с домашними».

В то же время среди 80-ти ссыльных содержатся сведения о Корженевском Аполлоне, находившемся в ссылке в г. Вологде с 30.05. 1862 года вместе с женой Эвелиной и сыном ¹⁷. Его ссылка не была связана с непосредственным участием в восстании, в январе 1863 года Корженевские были переведены распоряжением вологодского губернатора на жительство в Черниговскую губернию. Других подробностей о ссылке А. Корженевского пока не обнаружено.

В число 80 человек не вошли ссыльные из г. Тотьмы: Станислав Станиславов Щука, из дворян, уроженец Гродненской губернии, возраст 16 лет ¹⁸. «Сослан был по распоряжению генерал-губернатора Литовского края за

пристанодержательство бунтовщиков с 02.11. 1863 года в г. Тотьму без срока под гласный надзор». Позднее в июле 1865 года был переведен в г. Вологду, где обучался фельдшерскому искусству, а в г. Тотьме под надзором полиции продолжали находиться его мать и брат. Здесь мы имеем в ссылке местонахождение нескольких членов одной семьи, осужденных вместе. В списке ссыльных в г. Тотьме за 1866 год числилась Анна Чаплицкая, уроженка Плоцкой губернии, в возрасте 27 лет ¹⁹. Чаплицкая была выслана из г. Варшавы «по конфирмации Наместника Царства Польского по политическим делам с 23.03. 1866 года, бессрочно, под строгий надзор полиции». Она была женой чиновника, служившего в Варшаве.

В Вологодской губернии кроме ссыльных в первые годы после восстания и перемещения их в последующие годы по городам и уездам, главным образом в рамках губернии, появились новые потоки в 1865, 1871 годах. Во втором потоке находились лица, вернувшиеся из заграницы без разрешения властей, где находились по причине причастности к восстанию или активно в нем участию ²⁰. К третьей волне ссыльных относились 11 активных участников восстания, принадлежавших к духовному сословию, высланные в Восточную Сибирь на несколько лет. В 1871 году они переводятся в г. Великий Устюг, где находились до 1874 года. После чего в декабре 1874 из-под надзора полиции были освобождены ²¹.

Анализируя сведения по основной первой группе 80 ссыльных, мы использовали приемы статистической обработки материалов на основе унифицирования данных по графам отчетных ведомостей, поступавших в канцелярию губернатора. При обработке документов о месте проживания до ссылки в Вологодскую губернию, выяснилось, что преобладали выходцы из 3 западных губерний (Гродненской, Виленской, Ковенской), составляя 44% среди политических ссыльных (диаграмма 1). В то же время, по нашим подсчетам, уроженцев польских губерний и г. Варшавы общее число составило 27%, то есть около 1/3, связанных с участием в восстании. Тем более, что 5% приходится на категорию «прочие», без указания места рождения.

По социальному составу среди ссыльных преобладали представители дворянского сословия, ряд из них указывались как «лишенные прав состояния» или «бывшие дворяне», но все они подсчитаны как принадлежащие к дворянству – 43% (диаграмма 2). На II месте находилась крестьянская группа: 22%, на III – «прочие»: 18%, на IV – мещане: 9%, на V – духовенство: 8%.

Значительный интерес представляют материалы диаграммы 3 о степени политической активности, зафиксированной в сопроводительных доку-

ментах политссыльных. В первую группу под названием «вооруженное участие» включены лица, непосредственно принимавшие участие в событиях с формулировкой «нахождение в отряде восставших». Они составили 24%. Во вторую группу – «активное косвенное участие» – вошли люди, связанные с доставкой людей в отряды, изготовлением пил и кос для восставших, предоставлением лошадей для разъездов, снабжением провизией. На них приходилось также 24%. Вместе эти группы насчитывали около 50% высланных, в прошлом активно связанных с восстанием. Под названием третьей группы – «пассивное косвенное участие» – понимались такие действия, как сбор сведений о движениях войск, укрывательство участников, сбор и передача денег, хранение оружия, недонесение о закопанном оружии, антиправительственная пропаганда. К ней отнесено 14% ссыльных. Четвертая группа – «политическая неблагонадежность» – включала людей сочувствующих восстанию, готовых мешать восстановлению общественного порядка, что составило тоже 14%. По пятой группе – «политические дела» – расшифровка большей частью отсутствует, поэтому мы посчитали необходимым дифференцировать ее от предыдущей, хотя на нее падает почти 1/5 ссыльных – 19%. На последнюю группу – «прочие» – пришлось 5%.

Отчетные ведомости о ссыльных позволяют провести обработку возрастных данных и распределить их на следующие возрастные группы: первая (до 20 лет) – 12 лиц; вторая (до 30) – 26 лиц; третья (до 40) – 16 лиц; четвертая (до 50) – 17 лиц; пятая (старше 50 лет) – 8 лиц, 1 – возраст неизвестен. По итогам подсчетов сложилась следующая диаграмма 4. Наибольшее число участников событий в возрасте от 21 года до 30 лет, но значительным было участие двух следующих групп – кому за 30 и 40 лет. Видимо, если человек принимал решение, то уже не имело значения, какой возраст – 40 или 50 лет.

Политические ссыльные из Царства Польского и Западного края, направленные в Вологодскую губернию, были рассредоточены по ее обширной территории. В диаграмме 5 отражены степень удаленности уездных городов от губернского центра и число пребывающих там ссыльных. В процентном исчислении это соотношение выражено в диаграмме 6. При сопоставлении обеих схем первое место по величине расстояния от Вологды и числу ссыльных принадлежит городу Устьсысольску (37 человек или 45% от общего числа) с учетом того, что протяженность пути составляла 900 верст или около 1000 километров. На втором и третьем местах по этим показателям стояли города Великий Устюг и Сольвычегодск (15 и 10 человек, соответственно 19% и 15%), удаленные почти на 500 километров. Как показывается в диаграмме 7, в отношении ссыльных преобладала форма гласного надзора полк-

ции (76%), правда, 1/5 часть (20%) подлежала строгой и секретной формам надзора или вместе взятым.

Большое значение для поднадзорных имело их материальное обеспечение. Дело в том, что пособие назначалось не сразу по прибытии на место ссылки. В 1863 году оно не фиксировалось, а в 1864 в списках сообщалось о его получении. Основные суммы назначались от казны в количестве 15 копеек в сутки на человека и 1 рубля 50 копеек за найм жилья в месяц. Ряд ссыльных, не получая пособия, прибегали к выполнению работ по найму, выходцы из крестьян переходили к крестьянским занятиям. Немногие из перечисленных лиц занимались парикмахерским делом, фотографией, мелочной торговлей, перепиской бумаг.

Из 80 человек женаты были 30, и у 10 из них жены находились вместе с мужьями. При аттестации ссыльных уездный исправник у большинства отмечал примерное поведение, преобладание переписки с родственниками на родине и общение чаще всего только со своими земляками. В то же время исправники употребляли распространенную формулировку о подозрительном образе мыслей у ряда своих поднадзорных.

Во втором потоке ссыльных, отмеченных как вернувшиеся из границы вопреки запрещению, следует особо остановиться на характеристике такой личности, как Адам Подгурский. В вологодской ссылке он находился с 1871 года. Из материалов его дела известно, что Подгурский был активным участником восстания²². Адам Подгурский, находясь «в Варшавском полицейском аресте за возвращение из заграницы, 09.05. 1871 года в 11 часов утра без особой побудительной причины в камере означенного ареста вышиб три окна с рамами и до того был дерзок, что для усмирения его были надеты кандалы и посажен в темный карцер»²³. Находясь в карцере, Подгурский дерзко выражался против Священной особы государя императора. При обыске Подгурского в деревянном протезе, заменяющем ему правую ногу, «коей он лишился во время последнего мятежа, были найдены документы, удостоверяющие его участие в мятеже в звании поручика». В результате всех событий Подгурскому было выдвинуто обвинение «в произнесении преступных выражений против Священной особы государя императора и в дерзких поступках во время содержания под стражей». В качестве политического преступника он должен был отбыть 6 месяцев тюремного заключения, затем ему предстояла ссылка в одну из отдаленных губерний империи²⁴. На жительство ему назначалась с октября 1871 года Вологодская губерния – г. Сольвычегодск. Оттуда в декабре А. Подгурский направил прошение на имя вологодского губернатора о назначении от казны пособия на содержание и о смене

места проживания на г. Великий Устюг, где он мог бы изучить какое-либо ремесло²⁵. Но 29.04. 1872 года был объявлен розыск А. Подгурского, бежавшего на лодке во время разлива реки вместе с крестьянином Михайловым. О побеге никто не подозревал. Он ежедневно получал хлеб от уездного исправника из-за отсутствия содержания, его видели вместе с Михайловым, но посчитали, что они отправились за реку, так как у них отсутствовала теплая одежда и еда²⁶. Подгурский был обнаружен уже в Архангельске, 16. 06. 1872 года этапирован в г. Сольвычегодск под постоянный надзор 3 полицейских смотрителей, которые обязывались ежедневно утром и вечером проверять наличность ссыльных. Анализируя причины побегов ссыльных, сольвычегодский исправник называл главной отсутствие содержания и неэффективность системы контроля, так как Подгурский бежал после утренней проверки. При допросе Подгурский указал цель побега – отъезд на иностранных кораблях за границу. С 16.05. ему была назначена выплата арестантского содержания. Дальнейшую судьбу этого энергичного, но не отличающегося хорошим здоровьем человека, проследить по документам не удалось.

Не рассматривая специально в статье состав третьей волны ссыльных в Вологодской губернии, так как годы их основной ссылки прошли в Восточной Сибири, мы отмечаем их общую сословную принадлежность и активные формы участия в восстании 60-х годов, несмотря на значительный возраст некоторых из них²⁷. К таковым относился бывший ксендз Иоанн Наркевич, уроженец Гродненской губернии, 69 лет. Он произносил публично возмутительные речи, «имел у себя формы пуль и контрабандных вещей, собирал капитал для отправления в Варшаву...».

На основе материалов о колонии польских ссыльных в Вологодской губернии после восстания 1863–1864 гг. мы можем судить, что судебная и административная высылка поляков на ее территорию вызвала здесь серию подготовительных мероприятий, особенно в ее отдаленных уездах. Контингент ссыльных был неоднородным по социальному и возрастному составу, степени участия в восстании. Вологодская губерния в 60-е–начале 70-х годов XIX века приняла несколько потоков ссыльных и одиночных поселенцев, оставивших свой след в общественной атмосфере губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Арсеньев Ф. А. Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии (по сведениям 1869 г.). Вологда, 1873. С. 31.
- ² К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX века / Публикация Е. И. Индовой в кн.: Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1973. С. 241.
- ³ Дасн М. Е. О польской ориентации в вологодском искусстве XIX века // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Ч. 2. Вологда, 1989. С. 85.
- ⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2 Д. 141. Л. 22.
- ⁵ Там же. Д. 151. Л. 1.
- ⁶ Там же. Д. 141. Л. 12.
- ⁷ Там же. Л. 12 об.
- ⁸ Там же. Л. 29.
- ⁹ Там же. Л. 30 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 61 об.
- ¹¹ Там же. Л. 75 об.
- ¹² Там же. Д. 151. Л. 25 об.
- ¹³ Там же. Л. 28.
- ¹⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 142. Л. 1553.; Д. 147. Л. 25708.; Д. 153. Л. 1374.; Д. 154; 156; Ф. 14. Оп. 1. Д. 2770.
- ¹⁵ Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 153. Л. 119.
- ¹⁶ Там же. Д. 160. Л. 93.
- ¹⁷ Там же. Д. 142. Л. 146.
- ¹⁸ Там же. Д. 153. Л. 501.
- ¹⁹ Там же. Д. 156. Л. 50.
- ²⁰ Там же. Д. 156. Л. 50 об.; Ф. 14. Он. 1. Д. 2680.
- ²¹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2770. Л. 15–22.
- ²² Там же. Д. 2680. Л. 1 об.
- ²³ Там же. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Л. 19.
- ²⁶ Там же. Л. 38.
- ²⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2770. Л. 20.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Диаграмма 3

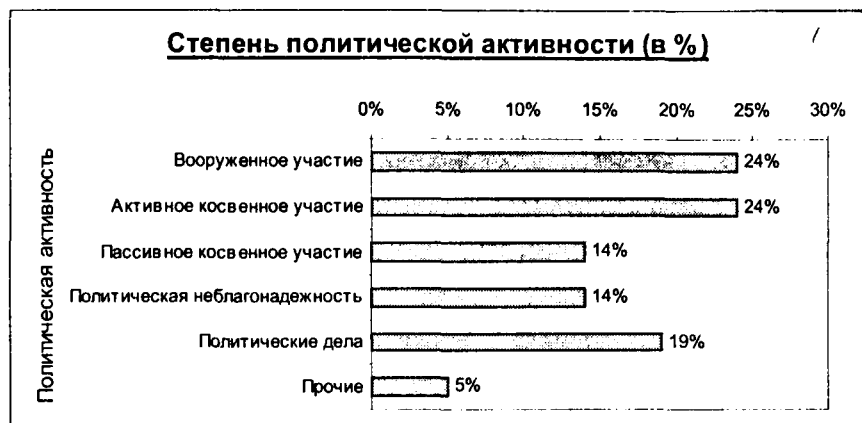

Диаграмма 4

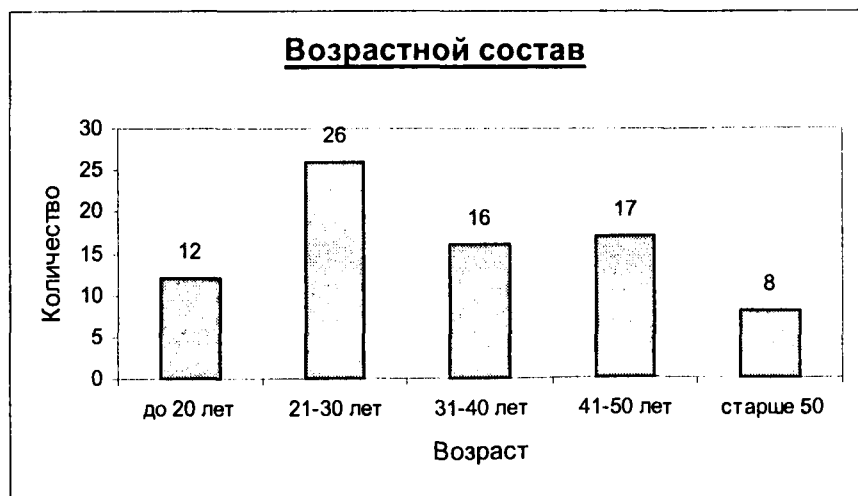

Диаграмма 5

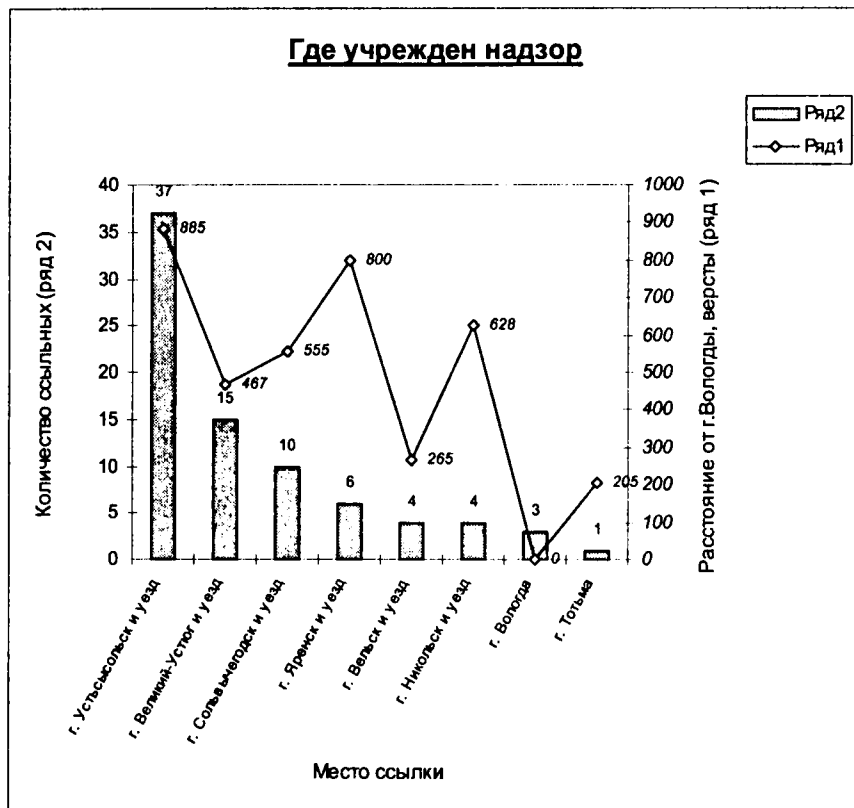

Диаграмма 6

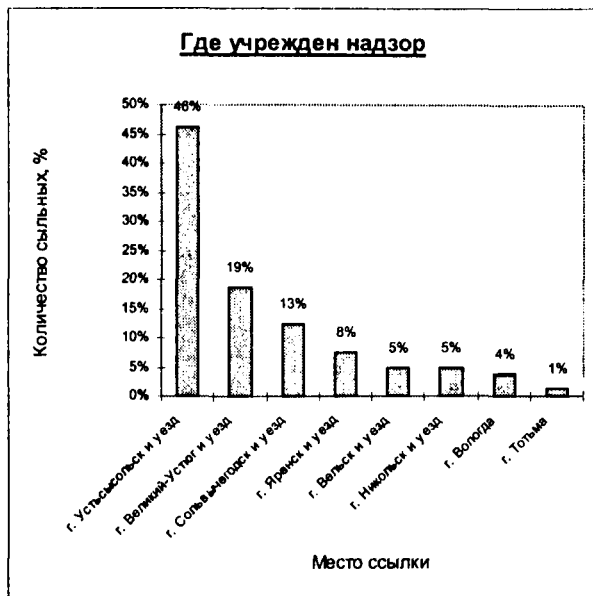

Диаграмма 7

